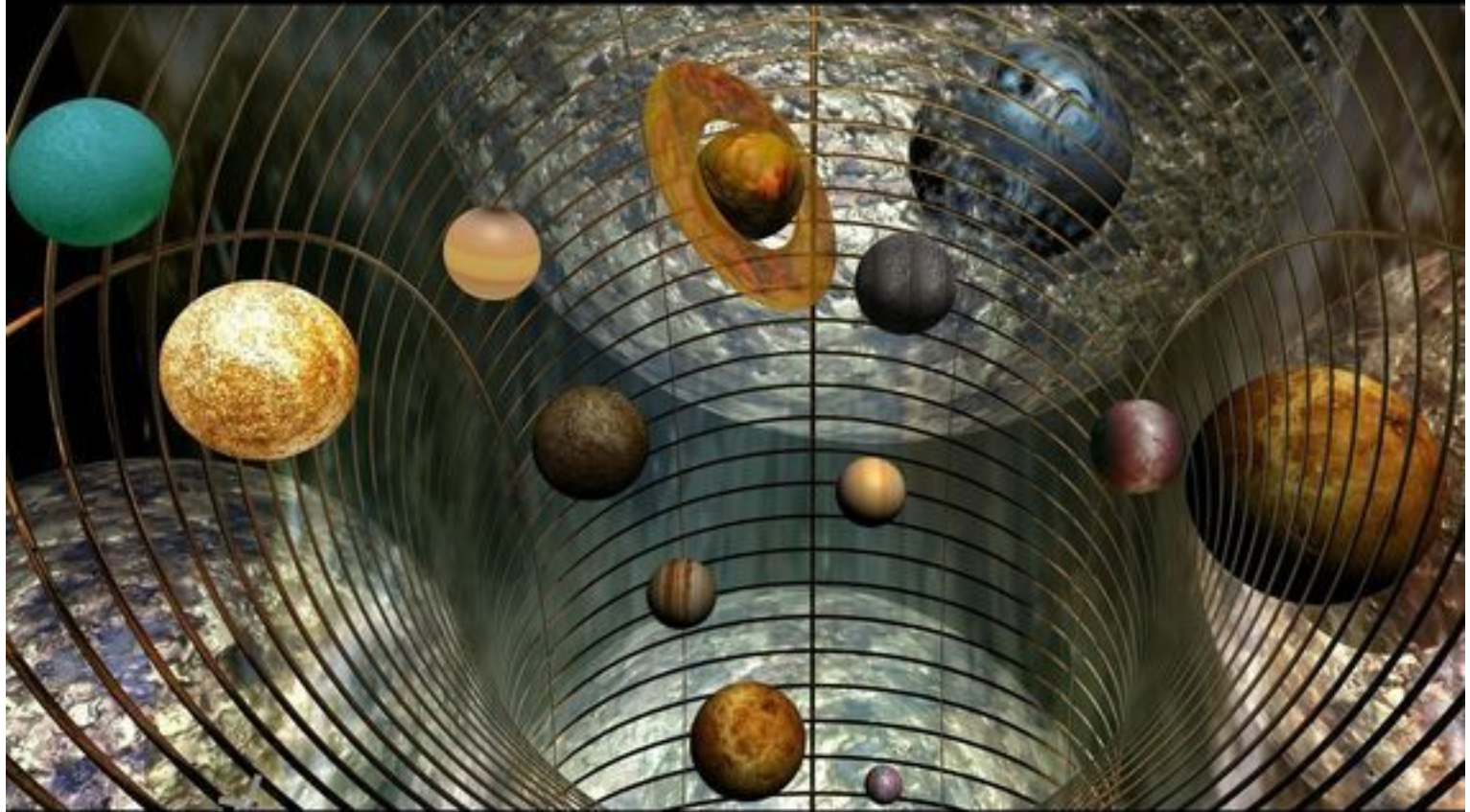


Ирина Ю. Станковская



ФАНТАСТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Сборник рассказов

Ирина Станковская

**Фантастические миниатюры.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

2015

Станковская И. Ю.

Фантастические миниатюры. Сборник рассказов /
И. Ю. Станковская — «Издательские решения», 2015

В сборнике представлены миниатюры и микрорассказы на стыке разных жанров, написанные автором в течение последних нескольких лет.

Содержание

Пожирающий Космос	6
Мечта о море	8
Обычная эльфийка	10
Три слагаемых успеха	11
Игрушечная философия	13
Ещё о теории эволюции	14
У и астероид, или Мечта о звёздах	15
Пумпочки	16
Дело о вязаных носках	18
Смелое слово	21
Правда о чудовище	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Фантастические миниатюры
Сборник рассказов
Ирина Ю. Станковская

© Ирина Ю. Станковская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пожирающий Космос

Бабка Настя кряхтя нагибается и вытаскивает из-под кровати визюшку, тычет сухим узловатым пальцем в центр экрана. Вот она, молодая, красивая. Нежный овал лица, пушистые каштановые волосы, ясные карие глаза. Девушка одета в серо-стальной скафандр, шлем на тонких шлангах убран за спину. Стройная фигура на фоне розового неба далёкой планеты. Бабка то ли всхлипывает, то ли вздыхает, проводит пальцем по экрану. Юная Настя исчезает. В визюшке много других изображений, но старая женщина и так их помнит. Те люди навсегда останутся в ее сердце, а вот себя... себя она частенько забывает... Оконные рамы слегка подрагивают – где-то стартовал звездолет с новым двигателем. Раньше они тише были, но все меняется. «Проклятый космос, – бормочет старуха, – и чего разлетались!»

В экодеревню бабка Настя переехала тридцать лет назад, как раз после эпидемии антарктической лихорадки. Пятнадцать процентов населения Земли тогда погибло. Пустующие земли заняли общины староукладчиков. Бабка Настя староукладчицей никогда не была, но деревню любит. У бабушки Дарьи тоже когда-то имелся дом на природе. Еще в далеком двадцать первом веке. Рано умерла старушка, и до ста не дотянула... Но и здесь цивилизация нет-нет да даст о себе знать. Бабка ковыляет в хлев доить Зорьку – та нетерпеливо машет ей головой, но что поделывать, подождет. Ноги болят, дыхание сбивается. За это время ни одного омоложения. Сто сорок лет берут свое.

Подоив корову, покормив кур и приготовив нехитрый завтрак, бабка Настя переодевается в праздничный наряд. Черная длинная юбка, светлая блузка, заколотая у ворота серебряной брошью. Единственное украшение, подаренное Олегом. Он бы ей весь мир подарил, но не вышло. Срочный рейс на Марс, повез генератор взамен побитого метеоритным дождём. Девятнадцать тысяч человек затаили дыхание – счет шел не на недели, на дни... А Олег только-только из рейса. Вызвался добровольцем, старушка моя не подведёт. Разладилась, полома-лась, не выдержала. Спасательная капсула одна. Триста килограммов груза максимум. Генератор – двести восемьдесят. Загрузил туда генератор, захлопнул люк, нажал на кнопки. Пошла на Марс. А Олег полетел к Солнцу.

«Проклятый космос», – бабка качает седой головой, с трудом переставляя ноги, выходит на проселочную дорогу.

Староста проезжает мимо на телеге, приподнимает картуз: «В город, матушка?».

Бабка Настя кивает солидно: «Да, батюшка, за мной заехать должны».

До остановки идти и идти. Староукладчики технику не жалуют.

Через час бабка Настя в городе. Симпатичный молоденький аэрист из Комитета доvez почти до Мемориала. Смущался, поглядывал на бабку с уважением и легким недоверием. Неужели та самая Анастасия?

Бабка все делает по-старинке. Подходит к памятнику, прищуривается, прикидывая, с чего начать. Скользит взглядом по двум вечно юным лицам на фотографиях. Служитель оцепляет периметр запрещающей лентой, приносит ей ведро и удобную швабру на длинной ручке. Старуха надевает казенный фартук, рукавицы и молча, сосредоточенно, протирает памятник. «Проклятый космос, – говорит она, закончив работу, – сожрал, чудище ненасытное...» В ее потухших глазах блестят слезинки.

У ограды Мемориала бабку встречает небольшая делегация. Глава ее – какая-то шишка из Комитета. Говорит что-то об уважении, о памяти, о годовщинах, которые... Бабка почти не слушает его, только скорбно кивает время от времени...

Потом тот же аэрист довозит ее до остановки. Вечереет, чья-то высокая фигура движется навстречу старухе.

«Ба, привет, – звучит знакомый голос, – вот, приехал тебя встретить!» Праправнук. Хороший мальчик, помнит памятные даты.

Морщинистое лицо бабки Насти расплывается в теплой улыбке.

Они плечом к плечу идут в деревню. Олег слегка поддерживает старушку под локоток.

«Старенькая совсем стала. Надо бы ей в город», – думает он с жалостью.

Бабка Настя старается сдерживать дыхание, вдыхает через нос, выдыхает через рот. Тихо, ещё тише, а то Олежка волнуется, заботливый такой.

«Ба, а расскажи о бабушке!» – просит вдруг он.

Бабка Настя не любит рассказывать о внуке. Слишком тяжело. Тоже бегал к ней, Ванечка, голубоглазый, кудрявый, смешной. Невестка до сих пор простить не может: «Сбила сыночка с пути бабка, заморочила рассказами о Космосе».

Где-то среди колец Сатурна затерялся Ванечка, романтик, умница, а как на настоящей гитаре играл!

И бабка Настя начинает вдруг говорить, говорить горячо и взволнованно, забывая о болезнях, о прожитых годах. Над бледно-зелеными равнинами взлетают золотые птицы мужества, в красных пустынях вьется ветер памяти, в бушующие моря неизведанного спешат, переливаются реки мечты. Олежек слушает, раскрыв рот.

Плечи Анастасии расправляются, голос крепнет. В свете Луны тусклые седые волосы наполняются серебром. Прозрачные карие глаза глядят в небо, и звезды пожирающего Космоса отражаются в них яркими всполохами.

Она смотрит на праправнука и видит те же звезды в его глазах.

Где-то на синей планете гуляет под иными звездами Олег. Дела у него теперь другие, о прошлом думается с легкой грустью. Иногда ему хочется подать о себе весточку, но это не положено. Всему свое время. Внук Ванечка, которого он никогда не видел при жизни, часто его навещает. А пожирающий Космос, законы которого нам не дано понять, расплескивает рукава галактик, удивляясь, как сам он оказался пойман, захвачен и растворен жадной и страстью людей, стремящихся к звездам.

Мечта о море

Аля с детства мечтала увидеть Море. Некоторые её знакомые успели не только съездить посмотреть на него, но и окунуться в ласковые волны. Все говорили, что это намного лучше, чем купаться в ванне. Самым везучим даже удавалось встретить в Море настоящих рыб! Аля страшно завидовала, но сделать ничего не могла. Её родители когда-то побывали на Море и почему-то считали поездку туда блажью и тратой денег. А Але снилось Море, каким она видела его по телевизору. Девочка воображала что-то большое и синее, смыкающееся на горизонте с небом, усеянное там и сям рваными стежками белой пены. Она долго не знала, как пахнет Море, но однажды Таня с верхнего этажа привезла ей несколько гладких округлых камушков. Аля долго принималась и наконец-то уловила слабый запах, не похожий ни на какие ранее встречавшиеся ей запахи. Мама велела Але отмыть камни, но всё равно запах пропал не до конца, и Аля время от времени открывала сервант и, поднося к лицу отполированные Морем драгоценности, жмурилась от удовольствия.

В мечтах о Море проходили годы, родители старели. Аля окончила школу, поступила в институт и в конце концов стала агрономом на плантации водоносов. Работа пришлась Але по душе. Она любила воду, ей нравилось смотреть, как раскрываются зелёные бутоны и изливающаяся из них жидкость с тихим журчанием течёт по желобкам в резервуар. Когда-то никаких водоносов не было, люди легко добывали воду, но в результате Бедствия почти вся вода на Земле была отравлена. Задолго до рождения Али учёные вывели новый вид растений-фильтров – самый лучший и самый экономичный способ очистки воды. Повсюду возникли плантации водоносов, без усталости качающих воду на благо людям. Когда водонос умирал, он тоже шёл в дело – одежда из его волокна носилась долго, легко отстирывалась и как-то особенно ловко и складно сидела на фигуре.

После Бедствия на Земле уцелело несколько чистых водоёмов, но все они находились под охраной. Проработав полгода на объекте особой важности, Аля подала заявку и почти сразу получила пропуск на Море. Она была хорошей дочерью и вписала туда родителей, но те отказались наотрез.

– Не поеду я на это море! – сказала мама.

Она ожесточённо затрясла седеющими, ещё пышными локонами.

– Зря ты так, – укорила её Аля, – ты же сама как-то говорила, что было здорово!

– Нет, дочка, – вздохнул папа, – мы не поедem.

Аля купила билет на дирижабль и полетела на встречу с давней мечтой. Всю дорогу она глазела в окно на проплывающие под круглыми боками аппарата пожухлые леса, мёртвые реки, купола, заводы и плантации водоносов.

Наконец они достигли станции «Море». Аля спустилась по трапу и вошла в здание порта, опередив других путешественников. Симпатичный офицер проверил документы и, узнав, что она приехала одна, улыбнулся ей особенно приветливо и пригласил на свидание. Аля была красивой девушкой с лицом, сиявшим даже сквозь матовый пластик защитного шлема.

Аля быстро нашла отель и, войдя в здание, переделалась в дамской комнате на выходе из шлюза. Скафандр она повесила в уже приготовленный для неё именной шкафчик. В гостиничном номере было тесновато, но уютно. Аля надела новый красивый купальник, пёстрый пляжный сарафан, невесомые шлёпанцы из корня водоноса и с навигатором в руках отправилась искать нижний уровень. Вот и скромный указатель «К Морю». Аля прошла по коридору и, на секунду замешкавшись, открыла дверь.

Пёстрые зонтики и шезлонги на жёлтом песке, непривычно загорелые люди, ленивые синие-синие волны, пушистая и белая-белая пена – всё, как по телевизору. Аля подняла голову: она читала, что высокий купол сделан из специального стекла, позволяющего людям по-насто-

ящему загорать. Девушка скинула сарафан и под любопытными взглядами отдыхающих направилась к Морю. Она увидела гладкие камушки у кромки прибоя и нежно улыбнулась детским воспоминаниям. Вода оказалась слабосоленой, пахла не так, как ожидала Аля, но тоже приятно и заманчиво. Через несколько минут девушка уже плескалась в ней, отфыркиваясь и попискивая от восторга.

Вечером, гуляя с симпатичным офицером Пашей, они два раза обошли Море по променаду. Сквозь купол мягко мерцали звёзды. Шевеля листья водоносов, дул ветер, совсем как настоящий. Паша со значением сказал ей, что у Моря тоже есть плантации водоносов, и молодой перспективный агроном никогда без работы не останется. Аля слушала, смущалась и улыбалась. А после, очутившись в своём номере, почему-то заплакала и плакала долго-долго.

Обычная эльфийка

Она самая обычная эльфийка. Удлиненное бледное лицо с огромными синими глазами, чуть заострённые изящные ушки, распущенные по плечам густые чёрные локоны, тонкие белые руки с окрашенными серебряной пылью ногтями. В струящемся нежно-голубом платье под ажурной накидкой с вкраплениями бриллиантов и сапфиров, она, слегка покачивая своими умопомрачительными эльфийскими бёдрами, спешит к ручью, чтобы напиться воды и остудить огонь, горящий с недавних пор в её совершенной груди.

Он не знает её имени, но она провожала героя на войну с мерзкими гномами, видела, как невеста его, дочь короля эльфов, на глазах всего народа прижалась к жениху и текучие, как вода, бронзовые пряди сияющих волос разбежались по волшебной кольчуге из переливчатых крыльев стрекоз. Невеста по имени Лилларудалемантосабилла, герой по имени Эрбрегрогромад!

Как он прекраснее и смел, о, если бы хоть раз появиться в его судьбе! Ей не на что надеяться, этой безымянной эльфийке, на которую один-единственный раз пал взгляд друга героя. Этот воин, давно погибший в бою, обратил на неё внимание, когда она, в надежде не упустить ни секунды из отпущенного времени прощания, перегнулась через резной балкон, свесившись вниз, как простая девчонка, и её черные локоны заплясали в воздухе, вырвавшись из под приличествующей случаю скромной накидки. Герой уехал, так и не заметив её в шумной восторженной толпе. Но она мечтает, она ждёт, она верит.

И, выйдя на берег ручья, она погружает холодные руки в ледяную воду и неожиданные слёзы грустным подарком из мира людей начинают струиться по прекрасному лицу. Она обычная эльфийка, она может колдовать, но чары её слабые и лёгкие: остаётся радоваться и такой малости!

«О, Великий Автор Иванов! – молит красавица, чертя водяные руны на дне ручья, среди разноцветных камушков и стаяк мелких блестящих рыбок, покусывающих иногда её нежные пальчики. – О, вспомни обо мне, дай мне хоть какую-нибудь судьбу! Дай мне счастливую судьбу, ведь ты написал уже три тома! О, дай мне имя, дай мне любовь и радость! Я – всего лишь мимолётный образ, дева, на которую обратил внимание друг моего возлюбленного! Никто никогда не говорит со мной, дай же, дай же мне хотя бы несколько слов!»

О, наивная хитрость. Сначала несколько слов, потом, возможно, её окликнут, назовут, сделают полноправным участником истории. Она не смеет просить о любви Эрбрегромада, это уже чересчур. Но пока остаётся надежда на счастливый поворот сюжета, она будет приходить на берег и просить, просить того, кто, возможно, не подозревает, что это она стучится в его тревожные сны сверкающими серебристыми ноготками.

Она самая обычная эльфийка...

Три слагаемых успеха

Хуберт чертыхнулся и присел на обочину, вытянув усталые ноги. Мерзавчик спрыгнул с его шеи и исчез в ближайшем кустарнике. Только пушистый серый хвост мелькнул.

– Вот подлая тварь, – вздохнул Хуберт, – шею мне отсидел, да ещё в такую жару!

– Аполлон в мехах! – хмыкнуло из кустарника.

– Гадина говорящая, теперь до города ножками пойдёшь! – разозлился парень. – Там тебя на шапку продам! Даром что жрал в три пуза, захребетник! Мех знатный отрастил!

Кот осторожно высунул из зелени серую в рыжеватых полосках мордочку:

– Дурак ты, дурак, счастья своего не понимаешь! И правильно папашка твой, Царствие ему Небесное, наследства тебя лишил! Кто в непотребных домах ошивался, когда другие братья вкалывали? Кто расписки направо-налево раздавал? А всё ноешь, что родня виновата. Злыдни кругом, один ты серафим белокрылый!

– Каждый ошибиться может! – насупился Хуберт. – Вот найду в городе судейского, он моим братьям навешает... Тамошние крючкотворы свое дело знают!

– Ха-ха-ха! – раздельно произнёс Мерзавчик и подошёл к хозяину, насмешливо прищурив бездонные зелёные глазищи. – Чем адвокату платить будешь? Разве что ему шапка из kota нужна... А хозяйство отцовское ты до того довёл, что ни один самый заваливший судейский не польстится. Мельница, кот и осёл.

Кот неожиданно широко разинул пасть и с чувством пропел: «Вот мельница... Она уж развалилась».

– Зато осёл ещё справный! – огрызнулся Хуберт.

– Ага. Если зубы наждачком отполировать и мелом натереть. А шкуру чуть подкрасить! – покладисто сказал Мерзавчик.

– А с тобой что делать? Может, и правда на шапку? – задумчиво протянул Хуберт.

– Одно у тебя достоинство осталось, болван, – вздохнул кот, – будем работать с тем, что есть. Кстати, тут неподалёку пруд есть, искупаться не желаешь?

Хуберт поднялся, подхватил под мышку Мерзавчика и пошёл в направлении, указанном котом. Через несколько минут он уже самозабвенно плескался в прохладной водичке.

Кот сидел на берегу и напряжённо всматривался в синюю даль. На королевском тракте в это время дня было пусто и нестерпимо жарко. Вот еле проползла крестьянская повозка, вон проскакал королевский курьер на взмыленной лошади.

Вдали за клубилась пыль. Это из королевской резиденции, как всегда по субботам, следовала в свои владения вдовствующая герцогиня Ла Вольер.

Кот подозвал Хуберта и, вспрыгнув на плечо парня, зашептал ему в ухо, щекоча длинными усами. Тот скептически качал головой.

– А работает? – спросил он недоверчиво.

Мерзавчик оглядел хозяина и деловито кивнул:

– Не вопрос! Ты таки лоску поднабрался... Там, где денежки проматывал...

Он соскочил на берег и резво помчался наперерез герцогской карете.

– Жан, грубое животное! Ты чуть не задавил котика! – выговаривала герцогиня Ла Вольер смущённому донельзя кучеру. Кот, душераздирающе мяукая, прыгал вокруг герцогини, а потом по-собачьи ухватил её за подол пышного платья и потащил в сторону пруда. Из воды во всей красе поднялась фигура незадачливого наследника.

– О! – сказала герцогиня.

– Само небо послало вас, – воскликнул Хуберт, по привычке ища взглядом припрятанную котом одежду, – я маркиз де Караба, меня ограбили, пока я купался.

Мерзавчик облегчённо вздохнул и пошёл к карете. Людоеды, принцессы, короли... Чудненько, чудненько. Всё это хорошо для сказки, но в реальной жизни нужен другой расклад, а именно: красивый мужчина с достоинством, богатая вдовушка и сообразительный кот.

Игрушечная философия

«А почему у тебя такие большие уши?» – белобрысая шмакодявка, привстав на цыпочки и высунув от усердия кончик языка, тянет ко мне хваткую пятерню. Я помалкиваю. Сидящий рядом медведь незаметно толкает меня в бок. Я скашиваю глаза – мой сосед тихо хихикает. На себя бы посмотрел! Это у него на ценнике написано «Медвежонок Топтыжка». А покупатели всё спрашивают у продавщицы: «Сколько стоит эта собачка?»

Вообще мне здесь нравится. Нравится суэта и мельтешение, нравится продавщица – тоненькая блондинка с ярко-лиловыми губами и волосами, как у куклы Барби со второй полки. Другая продавщица тоже ничего, хоть и не такая красивая. Вечерами я прогуливаюсь по обезлюдевшему магазину и захожу в гости к друзьям. Мы ведем неспешные разговоры о последних событиях. В книжной секции полно книжек – мы давно научились читать, ведь в голове так много свободного места! Топтыжка от книг шарахается – говорит, они все врут, а люди любят враки и поэтому их покупают. Откуда у него такое глубокое знание людей?

Ну вот, к девчонке подходит мамаша. И что во мне хорошего? Не хочу, чтобы меня покупали. На всякий случай корчу самую глупую рожу, насколько позволяет мастерство моего создателя, могущественного Мейдинчайна.

Странно, вроде я им приглянулся. Красивая продавщица кладет меня в хрусткий пакет. Прощай, милая Барби-макси! Потом мы долго куда-то едем. Пакет колышется, и я мысленно закрываю глаза-пуговицы и представляю, что я плыву в море, о котором недавно читал.

Меня приносят в маленькую комнату: по всем признакам, там живет шмакодявка. С радостью замечаю знакомого по магазину кота Мурзика. Сначала он меня не признает и гордо смотрит с высокой полки. Ха-ха. Оказывается, мать девчонки считает, что он какое-то «настоящее немецкое качество». Ну, очень дорогая игрушка! Ярлыки, ярлыки. Как суетны люди! Меня можно трепать за мои длинные уши и называть трусливым зайцем. А Мурзика за хвост – ни-ни. Я еще раз убеждаюсь в могуществе моего создателя Мейдинчайна. Он здорово умеет морочить людям голову! И в мои поролоновые мозги начинает закрадываться мысль, а не прав ли мой старый друг, недалекий и простодушный Топтыжка.

Ещё о теории эволюции

Две небольшие птички в неброском оперении проследили взглядом за долговязой фигурой, удаляющейся в направлении океана.

– Да, – сказала одна птичка задумчиво, – надеюсь, мы и наши предки не напрасно работали над клювами. Такое разнообразие форм редко где встретишь.

Вторая птичка не ответила. Она слыла пророком среди сородичей и часто впадала в транс, получая информацию непосредственно от Высшего разума. Вот и сейчас она застыла, уставившись перед собой остекленевшим взглядом.

– Нет, – сказала она, выходя из состояния оцепенения. – Мне было видение. Не дожидаться нам мировой славы. И громких научных скандалов не будет. Зря, все старания зря! Всего пара строк в учебнике.

– Как же? – удивилась первая птичка. – Вроде мы его заинтересовали!

– Да, мы натолкнули его на ряд ценных мыслей, можно сказать, заложили основы новой прогрессивной теории, но Высший разум поведал мне, что вся слава достанется кривлякам. Люди любят балаган. Ужимки, прыжки, гротескное сходство с человеком. . .

– Жаль, – вздохнула первая птичка. – Но пара строк в учебнике тоже неплохо, да?

Долговязый человек между тем спустился к берегу. Капитан Роберт Фицрой дружески кивнул ему, и, оживлённо беседуя, они взошли на борт.

Стояло погожее утро 20 октября 1835 года. Корабль флота Её Величества, десятипушечный бриг «Бигль» покидал Галапагосские острова, беря курс на Таити.

У и астероид, или Мечта о звёздах

У смотрел на звёзды. Они ждали У. И дождались: авария, безлюдный астероид. Выжил один У. Спасибо фирме «Гидропоника-Космос». Посеял, собрал, сидит на краю астероида, жуёт салат. Ночью снятся овцы: пошла первая, вторая... Хочется мяса. Астероид живой, понравилась гидропоника, тоже жуёт. У хочет смыться, астероид хочет мяса. Протоплазма! Эх, про неё уже было... Садится спасательная шлюпка, забирает У. Но это уже не У. На корабле много мяса, астероид ест, ест, ест... Наголодался бедняга (повариха И вздыхает). Делась куда-то. Искали. Наверно, выбросилась за борт. Штурман Ы отверг. Женщины! А вот и Ы пропал. Наверно, совесть угрызла. Уж и до Земли рукой подать. Стажёр А догадался, в спасательную шлюпку – шмыг. Атомно-протонно-ионно-идиотонный двигатель дистанционно молотком – хрясь! Бум! Бах! Взрыв! Ура! Земля спасена! Экипажу крышка. Астероид из обломков выскочил. Летит, обиделся, ворчит. Когда теперь на Землю орбита выведет?!

Пумпочки

Кашкин одел космические боты в тёплые наботники и любовно потрепал их по заклёпкам. Боты благодарно пискнули. «Они живые?» – удивилась Стелла, тупая курица. «Да», – Кашкин был краток. Стелла клевала всё без разбору, опустошая и без того скудные запасы охотника за пумпочками, маленькими и очень ценными частицами материи, водящимися только в этом далёком, забытом всеми уголке Космоса. Теперь Кашкин жалел, что из боязни одиночества потратил деньги на речевой преобразователь «курица-человек-курица». Стелла пожалала крыльями и, примерившись, ткнула заклёпку мощным клювом (модификация для «питомцев космонавта»). «Оу!» – взвыли боты. Кашкин чувствовал, что обувь придушивается, но на всякий случай погрозил Стелле пальцем. Боты были натасканы на поиск пумпочек, и Кашкин относился к ним очень бережно. Собственноручно связал им наботники из шерсти марсианской козы, которую лично остриг, прячась от суровых козоводов в тени кратера у гор Нерейд. Он оправдывал свой бесчестный поступок тем, что шерсть у марсианских коз росла быстро и очень густо, так что урон для обворованного им фермера был минимальным. Марс, Марс, чудесная планета!

Кашкин взял сачок, накинул плащ для работы в открытом космосе и вышел из хижины, аккуратно прикрыв дверь. Сила тяжести на его астероиде была никакая, поэтому охотник путешествовал с большим чемоданом, в котором лежали запасные ракеты-носители, баллончики с кислородом, приманка для пумпочек и много всякого хлама, который Кашкин не выбрасывал из лени. Тем более, вес чемодана был здесь неактуален.

Боты уверенно несли его от астероида, от хижины и Стеллы. «Пумпочки!» – воскликнули они вдруг. Кашкин поправил съехавший с талии на бёдра ремень с ракетой-носителем, и боты потащили его в тёмную даль.

Вернулся он спустя несколько земных часов. Коварные боты опять его подвели, в последнее время они частенько подшучивали над хозяином. Кашкину даже стало казаться, что пумпочек здесь отродясь не водилось, и его обманули, подсунув заведомый брак. Мало того, он стал задумываться, существуют ли пумпочки вообще. Но ведь он проштудировал энциклопедии, справочники и методические указания по поиску проворных частиц! Он видел объявления: люди покупали и продавали пумпочки ко взаимной выгоде! Даже тупая курица Стелла знала о пумпочках... Стоп! Первый раз он услышал о пумпочках именно от Стеллы... Нет, не может быть!

– Стелла, – стараясь сохранять спокойный тон, начал он. Курица почувствовала недоброе и притворилась, что что-то клюёт в углу комнаты. Боты безмолствовали. И Кашкин понял, что они заодно!

– Стелла! – воскликнул он возмущенно. – Ведь пумпочек на самом деле нет?! Это куриный заговор!!!

Стелла помолчала, пощёлкивая модифицированным клювом.

– Ну да, – неохотно сказала она, – люди едят яйца, смекаешь? О бройлерах уж и не говорю! А нам это неприятно... Люди в сущности такие дураки... Да, мы пустили слух про пумпочки. Многие попались, но потом же не будешь признаваться, что тебя обманули глупые курицы?! Вот и устраивают фиктивные купли-продажи... И ещё радуются, что находятся такие идиоты, которые едут за тридевять земель неизвестно за чем... В конце концов, делают же деньги из воздуха. Почему не сделать деньги из пумпочек?

– Шею сверну! – простонал Кашкин. – Суп, суп сварю!

Курица сердито затрясла головой. «Он единственный, кто мне наботники связал, – неожиданно вступились за хозяина боты. Даже жалко его обманывать было, хотя он сам не без греха, коза-то, а!»

Внезапно носы бот задвигались, как органы обоняния у настоящей охотничьей собаки. Они, не надев наботники, юркнули в дверь. Кашкин хотел кинуться за убегающей обувью, но боты уже вернулись. Между двумя чуткими носами золотилась крошечная искорка.

– Пумпочка! – ахнула Стелла. – Ну и ну!!!

– Сказка стала былью! – не отпуская искорку, отозвались боты.

Кашкин посмотрел на пумпочку, она посмотрела на него.

– Идите, отнесите ее туда, где взяли, – сказал он тихо, – пусть живёт на свободе!

Боты развели носы, и искорка запорхала по комнате. Стелла нажала клювом на кнопку «Выход», и пумпочка порскнула в образовавшуюся щель.

Один из лучших козоводов Марса вздыхает, оглядывая задумчивым взором звёздное небо над полупрозрачным куполом. Рядом с ним сидит крупная курица в космических ботах. Кашкин стал солидным фермером, ведь охота на пумпочек и других призрачных существ удел молодых. Он повзрослел, остепенился, завел семью. Но посиделки с двумя старыми друзьями, соратниками юношеских исканий, никто и никогда у него не отнимет. Его старший сын уже собирается на охоту за граппочками – он услышал об этих редких частицах космической материи от очень культурного индюка. А Кашкин не возражает, только иногда улыбается в усы.

Дело о вязаных носках

Внезапная смерть лорда Кларенса поначалу не вызвала у полиции особых вопросов, однако при ближайшем рассмотрении дела обнаружилось одно маленькое, но весомое «но». Поэтому в поместье покойного лорда срочно направили суперинтенданта Джеймса Бамбера. Спокойный, рассудительный, въедливый, он пользовался в Скотланд-Ярде заслуженным уважением. Суперинтендант был среднего роста, голубоглазый, с коротко постриженными тёмно-русскими волосами. Он недавно пережил тяжелый и дорогостоящий развод и старался избегать женского общества.

– Ах, это опять вы! – обречённо прошептала леди Агата, увидев входящего в гостиную детектива. – Но почему, почему вы меня преследуете?!

Она заломила руки – высокая, тоненькая, с длинными волосами медового цвета, словно сошедшая с картин прерафаэлитов.

Бамбер дождался приглашения присесть, невозмутимо разместился в чиппендейловском кресле напротив леди Агаты и приступил к допросу.

– Ваш муж упал с лошади, не так ли?

– Да, дворецкий позвонил мне в Лондон.

Леди Агата умоляюще взглянула на собеседника:

– Меня и моих людей допрашивали почти три часа! Я очень устала!

– Конечно, понимаю вас, миледи, – кивнул Бамбер, – но меня беспокоит совсем другое. Наши частые встречи по печальным поводам, например.

Он откинулся на спинку кресла и принялся перечислять на память, глядя в испуганные карие глаза:

– 1948 год, остров Уайт, лорд Н., несвежие морепродукты. 1950 год, Дорсет, лорд С., судорога в ванной. 1952 год, Эссекс, лорд Г., упавшее дерево. Ну-с, далее с периодичностью в два года поражение молнией, крушение яхты и вот теперь, в 1958 году, падение с лошади!

Леди Агата судорожно вздохнула.

– Но меня не было рядом в момент их смерти! – воскликнула она. – Я не отрицаю, что была замужем за этими людьми! Но мы ещё в прошлые встречи пришли к выводу об отсутствии серьезных мотивов! Наследства мне доставались самые мизерные, отягощённые долгами, малолетними детьми и бывшими жёнами!

– Да, – задумчиво произнес Бамбер, – но мы должны что-то предпринять, пока не пронюхала пресса. Вы же не хотите увидеть в газетах заголовки типа «Черная вдова» или «Синяя борода в юбке»?

Леди Агата содрогнулась:

– О, нет!

Она помолчала и виновато добавила:

– Была еще одна трагедия, о которой я вам не рассказывала. В 1946 году в Швейцарии мой первый муж свалился с ледника. Не знаю, поможет ли вам это.

– Спасибо за откровенность! – кивнул Бамбер. – Вы можете идти, но нам придется осмотреть вашу спальню и другие помещения. Вдруг найдется зацепка, какие-нибудь документы. Возможно, лорду Кларенсу угрожали.

Леди Агата мученически закатила глаза.

Наблюдая за обыском гардеробной, Бамбер продолжал размышлять.

– Ножки, ножки ей поправь! – говорил тем временем один из полицейских, обнимая напольную вешалку, чуть было не рухнувшую под грузом одежды.

– Ага, – сказал суперинтендант вдруг. Он наклонился и вытащил из-под шатающейся вешалки потёртый кожаный чемоданчик на стальных застёжках.

– Вряд ли там документы, – пробурчал второй полицейский, пыхтя и возясь с ножками. Бамбер открыл чемоданчик, порылся там и извлёк на свет божий пару вязаных носков.

– Всё-таки я подозреваю дворецкого, лорд Кларенс собирался его уволить, – этими словами встретил Бамбера в холле старый знакомый, констебль Джонс.

– Но в каждом случае были разные дворецкие, – возразил суперинтендант с вежливой улыбкой.

– А, вы попали на след! – лукаво прищурился констебль. – Бульдожья хватка Бамбера!

– А не живёт ли тут поблизости какая-нибудь пожилая одинокая дама? – поинтересовался Бамбер.

– Кухарка, ещё есть беженка с континента. Обе пожилые, – последовал ответ.

– Беженка живёт в сторожке, что у входа в поместье? – уточнил суперинтендант.

– С вами приятно работать! – воскликнул Джонс восхищенно.

В сторожке было жарко и пахло какими-то травами.

– Готовите? – Бамбер бросил взгляд на стоящий на печи котёл.

– Кашу перловую варю, – с акцентом проворчала смахивающая на ведьму старуха в пёстрой шали. Котёл прицельно плюнул раскалённой перловкой, Бамбер стряхнул с себя крупинки.

– Так кем вы приходитеесь леди Агате? – говоря это, он пристально смотрел в лицо пожилой женщины.

– Кто вам сказал? – бабка положила ложку и подступила к суперинтенданту. В её глазах зажглись алые искорки.

– Очень просто, – Бамбер вытащил из кармана носки, – только сейчас я заметил то, что было у меня под носом! В гардеробе леди Агаты всегда есть вязаные носки.

– Ну и что? – оскалилась старуха. – И в Англии холода бывают!

– В каждом случае при обыске находили пару вязаных носков, но они всегда были заштопаны! Кто, как не любящая бабушка, будет штопать носки богатой леди? Кто, как не любящая внучка, будет хранить эти носки, чтобы не огорчать старушку?

Бабка проковыляла к печи и открыла нижнюю заслонку. За ней обнаружился вход в пышущее жаром нутро. Он показался суперинтенданту намного больше заслонки, чего, конечно, быть не могло.

– В печку, милый, в печку, – с сочувственным вздохом сказала бабка, делая в сторону суперинтенданта странные пассы, – умный ты больно!

Бамбер, двигаясь как сомнамбула, повиновался.

– Бабушка! – раздался душераздирающий крик. – Это правда?!

Леди Агата ворвалась в сторожку и оттащила Бамбера от печи.

– Дитятко, я хотела как лучше. Они все обижали тебя! Джон врал, что ты пересаливаешь суп, Перси тебя ударил, Дик шлялся по бабам... Не родная ты мне, сиротинушка бедная, а дороже кровиночки! – запричитала старуха.

– Но Арчи за что?! – зарыдала леди Агата. – Он же был безобидным поэтом!

– На всякий случай, – смутилась старуха, – помнишь его стихи: «Я в честь твою казню цветы всех стран и всей Вселенной! В крови зелёной будешь ты русалкой вдохновенной!» И что, это нормально? Я уж заранее постаралась. Вдруг потом поздно будет.

Леди Агата со слезами обняла бабушку и повернулась к Бамберу:

– Джеймс, вы же ничего не докажете, правда? Я положу её в частную клинику, клянусь!

Суперинтендант хмуро кивнул.

– Может, зря я Агатушке только лордов загадывала. Хотела ей всё самое лучшее, – произнесла бабка и бросила на Бамбера странный оценивающий взгляд.

Суперинтендант проводил женщин до больницы. Он, конечно, проверил бабкины документы – замусоленный паспорт Нансена, в котором стояло диковинное, как у всех русских, имя Baba Iaga.

Поздним вечером детектив ехал в Лондон. Холодало. Легкий морозец изукрасил лобовое стекло перьями Жар-птицы. Бамбер не знал, что это за птица, но было красиво!

Смелое слово

Он с вызовом посмотрел в раскормленную царскую физиономию. В палатах было жарко натоплено, сквозь разукрашенные морозными узорами оконца пробивался неяркий утренний свет.

– Ты, сударь мой, тиран и деспот! – он сжал руки в кулаки и гордо вздёрнул подбородок. – Посмотри, что стало с твоим царством, государь! Везде упадок и разрушение, народ ропщет. Нет, хуже, народ безмолвствует!

Царь заморгал маленькими поросычкими глазками, насупился.

– Так и до бунта недалеко! Задавил подданных поборами, гуляешь в кабаках с непотребными девками!

Царь гневно мотнул головой и поправил съехавшую было набок корону.

– Сироты и вдовицы приносят тебе последнюю лепту, а ты покупаешь своей третьей, нет, четвертой царице алмаз, перлов да яхонтов премного! Казна твоя опустела, ты аки червь подземный, скрываешься от ростовщиков и взаимодавцев твоих! Царское достоинство своё поганишь и аки жалкий попрошайка...

Тихо ступая мягкими сапогами, в дверь проскользнул главный царский советник.

– Прибыли, государь! – доложил он.

Царь степенно проследовал к трону, сел, расправив богато украшенные одежды, взял в руки державу и скипетр.

В сопровождении толмача вошёл иноземный король – тощий, высокий, смиренный.

– Ишь, притих! – ехидно сказал царь, зная, что умелый толмач переведёт все на язык дипломатии. – Ты, сударь мой, тиран и деспот!

В венецийском зеркале отражались теперь лишь часть стены да сундук со стоящей на нём початой бутылкой фряжского вина.

Правда о чудовище

Пойдём гулять! Я знаю, как ты любишь свежий воздух и простор. Ты смотришь на меня доверчивым взглядом, и мне становится не по себе оттого, что я использовал тебя в своей нечестной игре. Но что поделать, ради друга я готов на любые жертвы, заглушу голос совести и забуду о внушаемых мне с детства идеалах.

С финансами тогда было совсем плохо. Практика приносила сущие гроши – кто же будет терпеть врача, который постоянно отлучается по каким-то подозрительным делам! Правда, я успел написать несколько рассказов о наших приключениях, но моё имя ещё не приобрело широкую известность, и гонорары не покрывали затрат. Мой друг с головой ушёл в расследование дела о ватиканских камнях и не обратил внимания на пространный судебный отчёт в «Девонширской хронике». Меня же газетная заметка о скоропостижной кончине сэра Чарльза заинтересовала чрезвычайно. Я, пользуясь занятостью Холмса, навёл справки и даже съездил на место событий. Разумеется, я запасся рекомендательными письмами от коллеги, моего бывшего однокурсника и уроженца Девоншира. Люди частенько слишком разговорчивы с докторами. Увиденное и услышанное потрясло меня, и я предпринял шаги для реализации сумасшедшей идеи. Я предвидел, что, желая оказать любезность Папе, мой друг и не заикнётся о вознаграждении. Он часто поступал так, не думая о будущем.

Холмс блестяще разгадал сложную загадку и не получил ни гроша. Ватикан выразил признательность, Великий Понтифик прислал благодарственное послание. И всё. Деньги таяли, добрейшая миссис Хадсон при встрече поджимала губы и спрашивала, когда мы внесём арендную плату. Холмс курил трубку, играл на скрипке и приглашал меня лишь для того, чтобы я сделал ему очередную инъекцию морфия. На морфий тоже не было средств – я, пользуясь старыми связями, доставал его за полцены. Выгодных в денежном плане дел не предвиделось.

Я долго не мог решиться сделать первый шаг по наклонной плоскости, но надо было спасти единственного друга. Обстоятельства играли мне на руку. От новых девонширских знакомых я узнал, что доктор Мортимер едет встречать наследника. Они внушили ему кое-какие подозрения и постарались направить по нужному пути. Таким образом, ничего не подозревающий Джеймс явился к нам с манускриптом и рассказом о страшной собаке Гримпенских болот. Я порадовался в душе, увидев искренний интерес друга. Он понемногу пришёл в себя и задавал необыкновенно проницательные вопросы.

Провожая доктора, я выяснил, где будет жить новоявленный баронет, и начал действовать. Да, это я украл сначала один, а потом другой ботинок сэра Генри, я прислал ему в отель «Нортумберленд» анонимное предостережение. Я многому научился у моего друга Холмса! Обработать отважного, но простодушного американца не составило труда. И вот я уже спешил в Баскервиль-холл.

Мне не пришлось долго уговаривать Стэплтона. В прошлый визит я понял, что он жалкий неудачник, мелкий жулик, а всем в доме заправляет его темпераментная и властная жена Бэрил, урождённая Гарсиа. Но и она не была способна на убийство. Парочка вела свою игру, втеревшись в доверие к местным жителям, и рассчитывала со временем перехватить деньги у сэра Чарльза. Для начала они хотели немного попугать родственника, но не учли слабое здоровье пожилого джентльмена. После его смерти они затаились, и я быстро сориентировался в ситуации и запугал их моими связями в полиции и возможным обвинением в убийстве. Костариканка и её истеричный супруг-энтомолог плохо разбирались в английских законах! Я посулил им часть гонорара, который втайне от Холмса обговорил с сэром Генри. Тот совсем запутался и обещал выплатить астрономическую сумму.

Баффи. Сокровище моё! Большое, доброе, ласковое создание! Ты не пугала Селдона, мерзкого брата миссис Бэрримор. Он сам впопыхах упал с каменной гряды. Что касается

смерти сэра Чарльза, то это Стэплтоны сваяли дурака, не подумав о последствиях. Да, спаниель Мортимера на твоей совести, но что за гадкая была собачонка! Ты всего лишь хотела дружелюбно обнюхать его злобную мордочку, а он укусил тебя, моя хорошая. И ты от неожиданности, боли и испуга слишком крепко сжала челюсти!

Та лунная туманная ночь никогда не изгладится из моей памяти. Мы выступили в экспедицию подготовленными. Я хорошо поработал: подсыпал кое-что в чай Лестрейду и Холмсу. Тем временем в Меррипит-хаус слабовольный Стэплтон, со слезами связав жену, встречал Генри Баскервиля. Надо ли говорить, что в чашке сэра Генри оказался не только кофе!

И вот настал решающий момент. Лестрейд с Холмсом в полубессознательном состоянии сидели, привалившись к валунам, служившим нам укрытием. Но я был начеку. Послышались неровные шаги – по тропе брёл одурманенный наследник. За ним мягкими прыжками неслась Баффи. Сэр Генри попытался обернуться, и тут лекарство взяло своё: он только успел увидеть прыгающее на него чудовище и упал, погрузившись в сон. Лестрейд и Холмс заторможенно наблюдали страшную сцену – милая Баффи, поскуливая, пыталась лизнуть баронета в лицо. Я выстрелил, собака тут же упала. Вот это дрессировка! Когда Стэплтоны покупали её у Росса и Менгласа, торговцы специально подчёркивали, что умное животное попало к ним из провинциального цирка и обучено разным трюкам. Я подошёл к Баффи, она не шевелилась. Мои друзья были так заняты сэром Генри, что не заметили, как Стэплтон и его старый слуга Энтони под прикрытием тумана увели Баффи. Я сказал Холмсу, что оттащил труп твари в болото. Попытка погони за трусливым энтомологом провалилась самым позорным образом – Холмс и Лестрейд чудом не увязли в трясине. Я заверил друзей, что враг сгинул среди болот: в их состоянии они поверили бы всему!

В результате наши дела устроились наилучшим образом. Часть гонорара я честно передал Стэплтонам в Коста-Рику. Сэр Генри поехал в путешествие развеваться, а миссис Хадсон наконец-то получила арендную плату. Все были счастливы... Нам повезло, что миссис Росс любит собак и за небольшую плату приютила Баффи в своём загородном доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.